

Иван ОБРАЗЦОВ

КОЛЛАПС ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ

*Без веры нельзя спастись и в физике:
необходимо верить по меньшей мере
в существование некоторой реальности вне нас»*

Макс Планк, автор теории теплового излучения,
положившей начало развитию квантовой физики

- Разряд!..
- Ещё разряд!..
- Мы его теряем!..

Лица смазываются, только внимательные серебристые глаза человека в белой санитарной маске видны ясно и чётко — точечная резкость среди общего размывания неопределённости. Потом и это сглаживается.

Мир становится односторонним, внутренним — однородным и изотропным. Но это не темнота и не свет, это что-то такое общее, как бы одиночество и всеохватность. А ещё стремление, которое оказывается единственным смыслом движения вообще. Это же и тоска — такая ностальгическая и древняя тоска по кому-то другому...

* * *

Мой ум сейчас совершенно растерян. Да, именно ум, ведь дух остаётся крепок и его ясность несколько не помутилась. Но вот ум...

Столько лет научных изысканий, а всё привело к тому же, с чего и начиналось когда-то давно. Когда-то. Во времена настолько древние, что вроде бы и неважно уже. Да и само время уже разоблачено и обрело свой предел — предел физической применимости. И вроде бы давно уже убрали на дальнюю полку все эти архаизмы мысли, но отчего тогда мне сейчас кажется, что мы вновь упёрлись лбом в концепцию о потустороннем существе. Ну, или о чём-то по определению потустороннем, чем бы оно ни было...

Разве можно изложить тремя ньютоновскими законами настаивающее нас откровение?! Мы трясущимися умами приблизились к чему-то такому, что с ужасом узнаём и не хотим узнавать одновременно. Слово еретики накануне костра инквизиции, начинаем с трансцендентным ужасом осознавать, что мы, возможно, ошибались, мы все, вместе с инквизиторами и их кострами...

Кто-то до сих пор увлечён техногенной верой прошлых веков, и так же, как физики-философы-основатели трёхвековой давности, упивается ощущением собственной мудрости. Та трёхвековая свежесть давно несвежа, давно стала консервативной и ортодоксальной. Вокруг этой прошлой и пошлой свежести построены институты и академии, установлены все необходимые ритуалы поклонения и почитания. Ритуалы заменили пытливость ума — какая банальная и пошлая правда жизни!

Другие, что помоложе и понаивнее, с упоением юного максималиста разбирают мелочи, совершенно не имеющие отношения к сути дела. Этим кажется, что очередной коллапс, побольше и помощнее, откроет все тайны мироздания. Но парадокс в том, что для реализации их наивных планов необходима бесконечная энергия и такое же бесконечное время. А время ведь имеет сегодня предел физической применимости. Их разум не отрезвляется этим простым знанием, а по какой-то причине счита-

ет его основанием для получения очередного финансового транша на реализацию их очередной умственной авантюры. Наивные детские фантазии заменили этим максималистам науку, а оттого, что они детские, то и кажутся такими новыми и свежими, вдохновляющими короткий наш человеческий ум.

Физики поверили в своих аксиоматических богов, хотя и называют эту веру осторожными научными терминами — такова наша сегодняшняя реальность. Мне трудно отказаться от односторонней привычки верить в мир без обратной стороны, без... потустороннего. Вот, опять это слово, но иначе никак не получается объяснить то, что вдруг стало понятно как божий день. Да... божий день...

Да что ж такое, вот опять скатываюсь в какое-то примитивное богословие. Может, сам язык заставляет меня произносить все эти мистические слова? Может, сама эстетика, этика — сама культура вдруг взбрыкнула и вырвалась сквозь железобетонное покрытие научного дискурса? Я не знаю. Поэтому попробую просто рассказать свою историю, как будто она не моя личная, а... всеобщая, что ли. Попробую побыть немного писателем, хотя вынужденная иногда речь «от автора» всё равно выдаст моё присутствие во всей этой путаной сочинительской писанине.

Но если не сделать того, что надо сделать, то, кажется, будет утеряно нечто важное... По крайней мере важное лично для меня и... вообще для нашей цивилизации. Да уж, вот так громко мне и приходится объяснять собственную мотивацию, а иначе никаких научных открытий, судя по всему, объяснить и оправдать не получится. Тем более, что мне придётся пожертвовать одним из самых главных идолов научного метода — объективностью.

С другой стороны, возможно мне впервые приходится использовать объективность в самом непосредственном и радикальном её выражении — в применении ко всем нашим умственным научным выкладкам, что бы это ни означало.

Да, моё изложение будет касаться только тех эпизодов, которые демонстрируют извилистую, а где-то и прямую линию развития главного сюжета, особо не вдаваясь в противоположные точки зрения. Возможно, такая жертва мне необходима для ясности, возможно — для краткости. Но, смею думать, что это есть своеобразное применение мной метода «бритвы Оккама». Действительно, не следует множить сущее без необходимости, хотя... кто-то может решить, что именно этим я сейчас и занимаюсь. Всегда есть оппоненты, таков, видимо, наш человеческий метод жизни, но не факт, что именно таков метод поиска истины...

* * *

За окном лаборатории выла метель. Лаборант задёрнул занавеску, отгораживающую его от основного рабочего пространства, и прилёг на раскладушку. Серое казённое одеяло грело не особо, но, по крайней мере, им можно было укрыться от сквозняка.

Сегодня в очередной раз проводили серию наблюдений — юнговский опыт с двумя щелями будоражил умы учёных по всему миру уже несколько десятков лет. Скромная лаборатория далёкого сибирского города участвовала в этом научном безумии с двух очень редких сторон — со стороны кибернетики (полуподпольно) и нейробиологии (откровенно подпольно).

Лаборант совершенно вымотался за последний год. Вымотался как-то внутренне и до такой степени, что даже стал захаживать (разумеется, редко и неявно) в местную православную церквушку, которая чудом сохранилась в их материалистическом и пропитанном скепсисом научном городке. Церквушка стояла на отшибе, почти в лесополосе, поэтому после работы приходилось делать заметный крюк. Лаборант считал, что такие прогулки полезны для физического здоровья и одновременно пополняют багаж знаний об ушедшей ритуальной эпохе. Таким способом им было найдено объяснение своим («неприличным» для настоящего учёного) походам в религиозное заведение. Самообман, конечно же, но порой приходится «сделать приличное лицо при плохой игре», чтобы игра стоила всех поставленных ради неё свечек.

Хотя чего греха таить, результаты юнговских экспериментов выглядели откровенно мистическими. Казалось, что световой поток живёт своей волновой жизнью, до тех пор пока за ним никто не наблюдает, но достаточно было провести экспериментальное наблюдение, и волны вдруг исчезали, превращаясь в частицы. Складывалось впечатление, что сам факт наблюдения заставлял реальность светового потока изменяться, переходя из состояния размытой и неопределённой волны в конкретную и отдельную частицу. В конце концов, сама дискретность потока ставилась под сомнение, либо эти сомнения окончательно исключала. Такая двойственность — неопределённость становилась камнем преткновения для современных умов, сформированных под влиянием планковских откровений о порционном излучении и вообще квантованности

реальности на самых нижних, базовых её уровнях.

Вчера в коридоре их закрытого научного учреждения Лаборант встретил знакомого. Тот специализировался на теоретических вопросах квантовой механики и отдалённо занимался хромодинамикой квантового мира. Поговорили о минимальных величинах, имеющих хоть какой-то физический смысл. Планковские меры пространственной длины и отрезков времени каким-то сложным способом соотносились с исследованиями Лаборанта, и потому разговор приобрёл характер научной дискуссии в пространстве небольшой институтской курилки.

— Слушай, ну, как там Эйнштейн-то выразился — бог не играет в кости. Вот что это такое, при чём здесь бог? Смуту какую-то внёс, а теперь ему всё, как говорится, до метафизического фонаря. А мы — мы разгребаем.

— Да перестань, это же для западных газетчиков было сказано, для красоты, так сказать, слога. Уважаемый учёный просто в запале наговорил, лишь бы коллег позлить, в основном Гейзенберга со Шрёдингером, да Бора ещё.

— Ну да, ну да, или Дирака. Только сейчас-то это неважно уже. Не-важ-но. Позлить, может, и не вышло, а только всё позапуталось ещё больше, — знакомый опёрся о подоконник и устало потёр ладонью лоб.

— Так на то и квантовая запутанность, чтобы жизнь сахаром не казалась, — пошутил Лаборант.

— Пускай языковеды да попы с этим возятся, нам-то зачем, у нас своих забот хватает...

— Вообще-то, если эти неопределённость и запутанность относятся к одному и тому же явлению, то это уже не попов дело, это же самый существенный вопрос нашей жизни можно прояснить о свободе выбора и так далее.

— Да перестань, ну какая свобода выбора у квантового объекта, только иллюзорная... — безнадежно махнул рукой знакомый.

Банальная рабочая текучка. И хотя со стороны это выглядело увлекательной и даже лёгкой беседой, но для собеседников она была болезненно неудовлетворительной в плане понимания и интерпретации имеющихся на тот момент научных данных.

Вечерами, на кухнях так вообще перешёптывались о возможном научном доказательстве существования, ни много ни мало — самого бога.

Лаборант задремал. В полусонном бреду он видел полосы света и тьмы, где частицы и волны сплетались в единые поля, создавая иллюзорные картины реального мира. Во сне Лаборанта мучили одни и те же вопросы — кто или что заставило всё это хитро-сплетение квантовых полей, волн, частиц, самого времени двигаться и генерировать наблюдаемую реальность? А если у реальности есть чёткие законы существования, то что это означает? Неужели это и правда означает наличие какого-то сверхзамысла, нами пока непостижимого, но как-то иррационально ощутимого... Вот только... ядерный гриб... чьим замыслом он оправдан... нашим глупым или... Отдохнуть надо, выспаться...

* * *

Через несколько дней произошло несколько событий, которые заложили основу будущим личным откровениям. Но произошли эти события буднично. Впрочем, именно так, как правило, и случаются такие вещи — их значение понимается только после, как бы ретроспективно. А порой и совсем через много лет, когда ретроспектива становится невыносимо ясной, как и произошло с Лаборантом.

Но в тот день сидели на кухне, разговаривали с женой. Она специализировалась на исследовании математических моделей и работала в соседнем исследовательском отделе их закрытого сибирского института.

— Квантовую механику нельзя понять, потому что её можно только ощутить, почувствовать. Как произведение искусства или как любовь. Фейнман говорил об этом непонимании квантовой механики слишком кратко, что ли, вот и возникла такая своеобразная перепутанность общественного сознания. Это как с различными высказываниями Эйнштейна, вроде «ужасное действие на расстоянии» или «бог не играет в кости», ну, и всё такое подобное. Они же в каком-то смысле все поэтами были, — Лаборант как-то грустно пожал плечами. — А мы больше ремесленники да инженеры.

— Но если эти все законы есть на самом деле, а мы, если угодно, непосредственно наблюдаем их эффекты, значит, в них есть смысл, — жена расставляла на кухонном столе тарелки, поглядывая за разогревающимся на плите борщом.

— Может, смысл и есть, а может, и не такой, каким он нам кажется.

— Нет-нет, ты подожди, ведь тот же Фейнман, он об этом же и говорит.

— О чём именно? Фейнман вон даже у нас книжку лекций выпустил, а уж по миру много чего говорил. Ты про что конкретно-то?

- Ну как же, вот как раз о логике, о нашей логике законов.
- И что с ней не так?
- Да всё так, но если от самого фундамента, если тебе угодно, начать, от квантовой механики, то всё остальное вполне логично. Квантовые законы перетекают в разные крупные явления, из тех получается целый человек, а из человека естественно возникают идеи, которые тоже вполне логичны и естественны, по тем же самым законам логики. Своеобразная свобода выбора, который сделан и выражен каждым отдельно взятым индивидом.
- Ты тоже поэт, что ли? — он грустно посмотрел на жену.
- Да перестань ты так смешивать, это же логика своеобразная, которая вполне себе очевидна. А в таком случае есть смысл и в концепции Бога. Проще говоря, Бог есть, и вывод об этом мы прямо необходимо получаем из той же логики, которой интерпретируем законы квантовой механики и вообще физики. Это же простая математика, если лбом не упираться в аксиоматические вещи. Ну, в общем, не быть этим самым... — жена Лаборанта показала пальцем куда-то вокруг себя. — В общем, не быть фанатиком, только с научным терминологическим аппаратом.
- Ну ты даёшь! Это же надо было такое придумать. У тебя, может, личные какие трудности, может, помочь чем надо? Ты не молчи, ты же знаешь, что я всегда по старой дружбе выручу, — Лаборант немного напряжённо улыбнулся, посмотрев на жену с беспokoйством.
- Да всё нормально у меня, — воскликнула жена.
- Да ладно, ладно, я... просто ты так и про воскресение мёртвых ещё скажи... Какие наблюдаемые эффекты могут быть у религии?
- Да вот это всё, её стойкое присутствие в нашей голове — чем не эффект. Если мозг состоит из тех же элементарных частиц, то и эффекты сознания подчиняются той же логике. Сама вот эта религиозность... даже аксиомы наши научные, чем они не догматы религии, мы же в них так же просто верим, и всё, как бы почитаем и верим в то, что нет ничего, ну, в смысле, что Бога нет никакого и так далее. Верим в то, что нет ничего, но верим же!
- Не скажи, это совсем не та вера, ведь все наши аксиомы имеют следствия, а вот их-то мы как раз наблюдаем независимо от веры. Следствия просто есть как факт реальности, и всё. В аксиомы можно верить или не верить, но их следствия экспериментально, я обращаю твоё внимание — экспериментально нам известны.
- Так ведь и монахи какие-нибудь тоже самое могут тебе сказать, что они экспериментально видят наличие божественного за всем вот этим движением материи. У них только эксперименты иного типа. Ты вспомни матчасть, мы же историю науки на первых курсах проходили, там практически про тех же монахов, только в другом изводе, если угодно, говорится.
- И где же там про монахов было? Что-то не припомню.
- Ну как же, ведь наука с того и начиналась, что про мир и про божественное говорили в целостности, а уже потом, очень позже потом, всё вдруг решили разделить. Это же разделение вообще придумка, причём исторически недавняя, да и не такая она и оригинальная, если уж всерьёз разобраться. Одни просто с попами что-то там не поделили, другие сами попами были и на своих обиделись, а так-то даже Кант ещё вполне о Боге философствовал, да и Лейбниц атеистом не был, и Ньютон.
- Опасные вещи ты говоришь. Нет, я-то, конечно, твой муж и друг, но другие точно не поймут эту всю, как ты её называешь, «логику».
- Но ведь напечатали у нас книжку с фейнмановскими лекциями, а он тоже об этом говорит. Значит, прошла книжка, ничего в ней такого ненаучного не нашли, — жена даже несколько возмутилась непониманию Лаборантом таких очевидных вещей.
- Ну, не знаю, не знаю... Какие там учёные книжку эту переводили и за выпуск отвечали, это мне неизвестно, но вот что точно могу тебе сказать, так это то, что у нас здесь такое твоё понимание слов зарубежного учёного точно не оценят. Точнее, оценят, но совсем не так, как ты хотела бы.
- Да я никак не хотела бы, мне просто самой разобраться хочется... Да и Фейнмана у нас никто не запретил пока.
- Кто знает, может, это как раз «пока»...
- Вот об этом и речь, «пока» не запретили. По-моему, эти квантовые объекты или вся эта волновая функция — они-то как раз и есть по-настоящему свободные эффекты во всей нашей научной картине мира. А остальное... это всё какое-то постоянное ожидание, что вот сегодня случится это самое «пока». Какой-то не ум, а трясущаяся в страхе от узнавания правды субстанция, — возмущение жены уже прошло, и она проговорила последние слова со спокойной и несколько обречённой уверенностью в их истинности.
- Прекрати, пожалуйста, истерику... разберёмся...

* * *

Мало того, что жена наговорила вечером всякой полунаучной ерунды, так ещё и Биолога встретил. Он Лаборанту и показал их, биологов, точку зрения во всей сжатой выразительности, так сказать:

— Бульон жизни. Мы до сих пор варимся в этом бульоне. Вирусы, бактерии — всё пропитано этими микроорганизмами, до самого океанского дна и верхних слоёв атмосферы. Конечно, есть уже данные о получении аминокислот из химических смесей. Через мёртвый химический бульон пропускали электрические разряды, и спонтанно возникали те самые аминокислоты — строительные кирпичи живой материи. Мы пока не можем экспериментально показать только один единственный момент — самый первый шаг, акт творения жизни. Пока не получено ни одной живой структуры из мёртвых химрастворов. Это как у физиков, с их первым мгновением вселенной. Но думаю, что здесь вопрос времени и терпения. В конце концов, даже эксперимент с получением аминокислот не совсем убедителен, ведь мы не знаем точно состояния планеты в первые эпохи. В смысле химии и условий — одни гипотезы...

У Лаборанта стали закрадываться мысли о существовании какого-то фундаментального препятствия на пути познания истоков. Что физика упёрлась в сингулярности и до сих пор продолжает верить в их объяснение, которое вроде бы «пока» не найдено, но точно будет обнаружено и объяснено. Что биология с первым актом творения продолжает твердить одно и то же — «пока» мы не можем воспроизвести, но вот-вот, прямо вот уже скоро всё получится...

* * *

Прошло несколько десятилетий.

Новый век принёс новые технологии. Экспериментальная физика перешла на недостижимый уровень точности. В лабораториях наблюдались эффекты, которые ещё пятьдесят лет назад казались невыполнимыми.

Массовое производство всевозможных технических приспособлений стало бытовой обыденностью, поэтому называть такую обыденность главным достижением человеческой цивилизации было бы просто неприлично. И всё же существовали некоторые достижения, которые и поднимались до уровня главных научных открытий — это, прежде всего, новые смыслы, обретаемые человечеством в лице узкого круга учёных-теоретиков.

На пике научной мысли пребывали два направления — несистемная наука и сакральная физика. Лаборант уже много лет как стал академиком и ещё больше лет занимался теоретическими вопросами физики и попытками адекватной интерпретации имеющихся экспериментальных данных. Конечно, наименование «сакральная физика» было выбрано не совсем удачно, так как отсылало к каким-то религиозным практикам, что в данном случае совершенно сбивало с толку. Опять же, сами проблемы, обсуждаемые научным сообществом, казались подобными тем вопросам, что задавали сами себе и друг другу богословы из далёкого прошлого, так что физика и в самом деле вплотную подошла к состоянию сакральности.

И вот произошёл один разговор о такой стороне дела, с которой подбираться к подлинным вопросам науки никто давно не пытался. Старый приятель и коллега по тому самому закрытому сибирскому институту, где когда-то Академик начинал свою карьеру учёного, встретился ему на очередной научной конференции. Приятель и коллега давно жил в Москве, но не по причине своего научного карьерного роста (он защитил докторскую, а в лихие 90-е ушёл работать в какую-то крупную частную компанию), а просто потому, что давно занимался разработками коммерческих продуктов. Работа вынуждала перебраться в столицу, что он почти сразу и сделал.

Приятель и коллега был бодр и свеж, отчего Академику стало как-то тоскливо, ведь разница в возрасте у них была минимальной. Правда, когда они заговорили о физике, то вспомнили старые времена, и Академик посветлел лицом и забыл о своих тоскливых настроениях. И вдруг, совершенно неожиданно приятель и коллега сказал:

— Ты понимаешь, я утром яичницу жарил и вдруг понял, что всё христианство с его богословским дискурсом — это же разговор о волновой функции!

— Не понимаю, поясни, — напрягся Академик, сбитый с толку таким поворотом разговора.

— Ну как же, Христос — это и есть волновая функция, которая только ожидает наблюдателя. Только так христианский мир обретает реальный смысл и подлинную красоту. Это если тезисно говорить.

— Всё равно не понимаю, при чём здесь вся эта религиозная риторика?

— Смотри, значит, в христианстве есть такой догмат о богочеловеческой природе Христа, слышал об этом что-нибудь?

— Ну, так, в самых общих чертах.

— Вот, и я в самых общих чертах слышал, а пару месяцев назад был на одной встрече и там что-то вроде доклада послушал, на гуманитарном... да, в общем, неважно сейчас. Короче говоря, основная идея такая: Христос, тот самый, что из евангельской истории, он ведь не просто бог или мессия, а конкретный концепт. Как бы тебе сказать... В общем, главное, что в нём и божественное, и человеческое сочетается по христианскому утверждению и «неслиянно», и «нераздельно». Короче говоря, что-то вроде аксиомы квантовой механики об одновременном существовании в состоянии волны и частицы. Такая аксиома об идеальном. А что есть божественное, как не идеальное, верно?

— Ну... допустим так.

— Вот, а человеческое — это что-то вроде материального, так?

— Возможно. И что с того?

— А то, что там есть ещё третий компонент — энергийный, который духом святым христиане называют, что-то вроде наблюдателя в эксперименте с двумя щелями, понимаешь? Вообще, если переложить христианскую риторику на язык физики, то Христос, он как волновая функция, как частица и волна одновременно, человек и божество в одном выражении, понимаешь? А христианин — это что-то вроде наблюдателя, который смотрит на Христа и видит коллапс волновой функции, как бы реализует потенциал неопределённости в реальный определённый мир. Короче говоря, христианин выбирает Христа, и волновая функция коллапсирует в определённую. Понимаешь? Это как у Достоевского, что он выбрал бы Христа, даже если бы знал, что истина не с ним.

— М-м-м, допустим, звучит красиво, но это же такое сильное приближение, что скорее к софистике, а не к физике относится. Ну, или к искусству, что ли, к чему-то неопределённому, где логика каждый раз у каждого своя. В общем, эстетика сплошная и никаких точных данных.

— Да, все так и думают, но если это правда, если физика, особенно квантовая, по своей сути окажется всего лишь сакральным способом изложения истины, ведь в основе её те же самые догматы о неопределённости, из которых всё остальное естественным образом выстраивается, определяется так сказать.

— Ага, определяется, — улыбнулся недоверчиво Академик. — Прямо как в эксперименте с двумя щелями.

— Точно, прямо как коллапс волновой функции.

— Только богословие не физика, слишком оно... — Академик помедлил, подбирая подходящую формулировку. — В общем, слишком оно недоказуемо, что ли...

— Да не скажи. Здесь же надо мышление вывести из привычных стереотипов. Ты же прекрасно знаешь историю вопроса. Для древних ведь никакого противоречия между разговором о божественном и материальном не существовало. Это противоречие, оно же концепт эпохи Возрождения, в котором мы все погрязли сегодня и который, кстати, достиг предела своего применения уже лет так двадцать, двадцать пять как тому назад, а то и вообще со времён создания квантовой механики...

В общем, ум Академика решил проверить эти богословские рассуждения на прочность, но, потратив почти год на изучение истории вопроса, он так и не смог до конца понять, есть ли во всём этом смысл или это просто красивая метафора и не более того.

* * *

Церквушка так и стояла на старом месте. Настоятель — мужчина средних лет с благообразной бородкой и внимательными глазами — встретил Академика приветливо.

— Доброго дня, вы посмотреть на новый иконостас?

— Да... я, признаться, как-то вот давно здесь бывал... вот решил по старой памяти...

— Академик неловко улыбнулся.

— Вот оно как, — Настоятель с интересом посмотрел на Академика. — А мне, знаете, позвонили, думал, что вас жду. Но вы проходите, храм открыт пока. У нас иконостас новый, резной, единственный такой за Уралом.

Было видно, что Настоятель говорит об этом с каким-то внутренним удовлетворением. То ли он сам принимал участие в установке этого иконостаса, то ли просто рад хорошему делу. Академик осторожно поинтересовался:

— А что, разве... — он с сомнением посмотрел на вход в церковь. — Разве иконостас... как бы сказать... разве это что-то... особенное? Ну, я в том смысле, что в церкви это же дело обычное.

— Конечно, — непонятно чему ещё больше обрадовался Настоятель. — Но здесь работа такая искусная, редкий мастер так сможет изготовить. Да вы проходите, посмотрите сами.

Они вместе вошли в храмовый полумрак. Внутри горело несколько огоньков лампад и один небольшой светильник над центральной частью церковного помещения.

— Свечи погасили уже, закрывать на ночь уже собираюсь, да вот заждался посетителей, — настоятель говорил негромко, как бы рассказывая пришедшему человеку обычные вещи. От такого привычного разговора у Академика стало легче на душе и напряжение первой неловкости понемногу прошло.

Впереди, в конце церковного зала поднимался до потолка иконостас. Все иконные изображения, казалось, выдавливаются в храмовое пространство, выходят из рам навстречу вошедшему. Это и правда была искусная работа. Впервые Академик видел иконы, полностью вырезанные из дерева. Объёмная резьба. Образы как бы восковые, однотонные, без привычной разноцветной раскраски. Иконостас казался теплым из-за этого телесного цвета резных объёмных изображений.

— И правда, искусная работа, — уважительно и тихо проговорил Академик.

— Да, редкий тип техники. Знаете, считается, что раньше на Руси таких икон было много. У нас же не Византия, мозаика как-то не прижилась, а вот резные иконы... — Настоятель замолчал, позволяя посетителю лучше увидеть детали.

— Можно? — Академик показал рукой на широкую деревянную скамью у стены.

— Конечно, присаживайтесь, — Настоятель тоже сел на скамью. — А вы чем занимаетесь, если не секрет, конечно?

— Я... физика, теоретическая физика, — Академик опять почему-то неловко улыбнулся.

— Очень интересно, вещественными явлениями, значит, интересуетесь.

— В общем-то, да.

— Да, красота божьего мира неисчерпаема, даже в вещественных проявлениях.

— А знаете, вот как раз с веществом многое и непонятно, — неожиданно сам для себя проговорил Академик.

— Да, и это вполне может быть. Вот знаете, если позволите, то приведу вам один пример, из посланий апостольских, из апостола Павла. Вы не подумайте, что как-то навязаться хочу, просто очень уже подходит к разговору о вещественном.

— Конечно, мне даже интересно, что апостол Павел мог сказать такого о веществе.

— А вот, как ни странным может показаться, но именно о веществе он сказал довольно конкретно. Если же вспомнить, что сегодня в науке... Вы уж простите, не хочу вас как-то обидеть, но в науке, мне кажется, тоже есть что-то религиозное сегодня. В том её смысле, как она, по крайней мере, выглядит и звучит для нас, обывателей, — Настоятель извинительно пожал плечами.

— Да, здесь я с вами должен согласиться, есть что-то догматическое и религиозное, но скорее внешнее, а может, и просто случайно появившееся. Вообще-то наука, по крайней мере физика, очень демократична. По меньшей мере, так задумывалось изначально.

— Спасибо, очень хорошее уточнение. Вы только поймите меня правильно, я это говорю без всякой иронии.

— Да какая тут ирония, голый реализм, — Академик вежливо улыбнулся. — А вы так о науке говорите, словно интересуетесь.

— Чего греха таить, поступал по молодости в политехнический, да Бог иначе всё управил.

— Да, здесь не угадаешь... — проговорил как бы сам с собой Академик

Помолчали. Потом Настоятель, словно спохватившись, заговорил:

— Так вот, апостол Павел довольно интересную мысль в своём послании высказывает. Я, ещё когда в семинарии учился, то обратил на это внимание и много раз потом возвращался к некоторым местам из Павловых посланий, умнейший он был человек. Так вот, он пишет: «Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началом мира...» И ещё там же: «Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите снова поработить себя им? Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас...» Понимаете, «к немощным и бедным вещественным началам»! Как сегодня это по-новому может звучать-то, верно?

— Сегодня... — Академик тяжело и в то же время осторожно прислонился спиной к стене, вздохнул облегчённо, — это уже лет сто звучит по-новому, как мне думается, лет сто...

Настоятель, видно, давно размышлял над этими вопросами, но как-то по-своему понимая их:

— А планковские величины, помните? Ведь и о планковских минимальных величинах можно тоже из апостольских посланий вспомнить, Павел к ефесянам не об этом, конечно, писал, но само пересечение смысла очень показательно: «чтобы вы, укореждённые и утверждённые в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христа, дабы вам наполниться всею полнотою Божиею»...

Помолчали.

— Ну и самое, на мой взгляд, глубоко касающееся предмета нашего разговора, это к евреям послание. Здесь речь, в общем-то, о том, что вообще лежит в фундаменте познания. Павел разъясняет смысл слов о повторении: «и Который ныне дал такое обещание: «ещё раз поколеблю не только землю, но и небо». Слова «ещё раз» означают изменение колеблемого, как сотворённого, чтобы пребыло непоколебимое», — Настоятель со значением посмотрел на Академика. — Понимаете, это же и есть цель познания, точнее, сакральная физика его основ, базис и фундаментальный принцип самого понимания «колеблемого, как сотворённого» в смысле причины действия, и «пробытия непоколебимого» как аристотелевской энергии покоя, божественной, если хотите, энергии!

— Да, здесь, конечно, можно и так смысл извлечь, можно... поэтически так сказать... — опять помолчали, а потом Академик неожиданно проговорил:

— А знаете, может, вся эта квантовая неопределённость частиц или волн, может, это и есть самая основа мира, в котором свобода выбора от начала положена Богом?

— Не уверен, что вот так бы выразил эту мысль, но вполне допускаю, что так оно и есть, — Настоятель внимательно посмотрел на Академика, потом кивнул на резной иконостас: — Как вам работа?

— Невероятно искусная, красота и как-то спокойно, что ли...

* * *

Сейчас мне кажется, что «теория всего» возможна. Такая, казалось бы, простая цель, но мой ум совершенно растерян. Буквально на днях узнал, что появилась новая антропология, где соединяется рационализм возрожденческого типа и духовность Востока. Только ум никак не может понять, точнее, никак не может открыть и увидеть связь между всеми антропологическими и всеми физическими теориями. Но этот же ум находится в когнитивном диссонансе, ведь не видя и не понимая, он уверен в существовании решения, в существовании «теории всего». В каком-то... сакральном, что ли, смысле...

Обычно, когда изложены на бумаге все имеющиеся факты, то становится понятна хотя бы общая картина и её возможная цель. Так и сейчас. Общая картина вроде бы видна, да и цель вполне конкретно названа, но зудит внутри ума какая-то трещинка, заноза, дефект, а что это за зуд — совершенно скрыто. Хотя... возможно, проблема именно в цели. Может, мир и правда размыт неопределённостью и в этом его основной план и фундаментальная прелесть. А человек — это чётко определённое сознание, возникающее при появлении необходимых обстоятельств. Может, так и рождается из неопределённости сама наша свобода, а ум — это просто вместилище для человеческого языка и не более... «Если я говорю языками человеческими, а любви не имею...» Как-то так, кажется...

Только один вопрос остаётся — кто же тогда наблюдает за нашими обстоятельствами? Судя по всему, ответ на него неизбежно должен быть аксиомой, для которой уже никаких логических доказательств не требуется, только вера... или хотя бы доверие... или какая-то новая, иная — металогика...

* * *

— Живой?

— Живой вроде.

— Ну, вот и хорошо.

— Академик всё же, старая закалка.

— Ничего, мы и не таких ещё вытаскивали.